

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/95/5

Лашманы и изменения в структуре ведомственного управления во второй четверти XIX в.

Юлия Николаевна Красникова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, julia2404@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме – передаче лашманов, занимавшихся заготовкой леса для нужд российского флота, из ведения государственного ведомства под управление Департамента уделов. Во второй четверти XIX в. произошел обмен территориями между государством и Департаментом уделов. При обмене были преданы не только недвижимые имущества, но и проживавшие на этих землях крестьяне, лашманы, однодворцы и пахотные солдаты. Изменение юридической принадлежности привело и к изменениям в структуре ведомственного управления. Существенные изменения коснулись хозяйства и быта лашманов.

Ключевые слова: лашманы, Департамент уделов, Российская империя, первая половина XIX в.

Для цитирования: Красникова Ю.Н. Лашманы и изменения в структуре ведомственного управления во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 34–41. doi: 10.17223/19988613/95/5

Original article

Lashmans and changes in the structure of Departmental management in the second quarter of the 19th century

Yulia N. Krasnikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, julia2404@mail.ru

Abstract. The article deals with a poorly studied topic of the Lashmans transferring from the State Department competence under the Appanage Department management; Lashmans are a special social group of the population engaged in logging for the Russian fleet needs. The research is based mainly on archival sources stored in the Russian State Historical Archive Fund of the Appanage Department (f. 515). Many sources are introduced into scientific circulation for the first time. In the second quarter of the 19th century the Imperial Court Ministry initiated territorial exchange between the Government and the Appanage Department for more compact concentration and administrative activities convenience. Such exchange was supposed to reduce the costs of Appanages properties managing that belonged to the members of the Imperial Family on the rights of conditional ownership. Many researchers consider that such exchange was beneficial to the Appanage Department, but it was unprofitable for the Government. During the territorial exchange not only real estate was transferred, but also peasants, lashmans, *odnodvortsy* and plowed soldiers living on these lands. The change in legal affiliation has brought to changes in the department management structure. The Lashmans have become the object of our research. Thus, the possibility of Lashmans transferring to appanage peasants was discussed. As a result, it was decided to preserve their social status. Formally they were under the control of the Appanage Department, but at the same time they carried out their duty to supply timber for the fleet needs. The Appanage authorities themselves paid the incomes and taxes for Lashmans to the treasury. Significant changes have touched the economy and life of Lashmans. Firstly, they were obliged, like the rest of the peasants, to start a public plow to fill bread shops, and that caused an intense protest. Secondly, the control over the forests was established. The Lashmans understood the use of forests quite freely, that's why they gradually cut them down for personal needs. The Appanage Department counted all the woodlands and put them on the Department balance. Now the Lashmans could not use the forest uncontrollably, as it was in the opinion of the local authorities before that. Thirdly, the vast majority of Lashmans were Muslims. Provokers appeared among them. They spread rumors and written documents about the forcible Lashman transferring to Orthodoxy and the prohibition of polygamy. All these reasons led to thousands of protests, which were stopped only with the help of military teams.

Keywords: Lashmans, Appanage Department, the Russian Empire, 19th century

For citation: Krasnikova, Y.N. (2025) Lashmans and changes in the structure of Departmental management in the second quarter of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 34–41. doi: 10.17223/19988613/95/5

Во второй четверти XIX в. был произведен обмен землями и находившимися на них крестьянами между государством и удельным ведомством. Департамент уделов сосредоточил свои имения более компактно для лучшего и более эффективного управления. Территориальная сосредоточенность владений позволяла сэкономить средства на содержание аппарата управления. Уделы при обмене передавали государству перенаселенные и выпаханные земли центральных, западных и южных районов, а получали не только большую земельную площадь, но и земли лучшего качества в дополнение «к богатым источникам промыслового дохода» [1. С. 205]. В результате этого обмена Департамент уделов также получал лесные угодья, в том числе и корабельные рощи, где несли свою повинность лашманы. Лашманами принято называть податную категорию лиц, обязанных в порядке государственной повинности заготавливать и вывозить на пристани корабельный лес и выполнять другие подобные работы для строительства российского флота.

Целью исследования является рассмотрение вопроса о передаче лашманов в управление Департамента уделов. Задачи исследования: проследить изменения в правовом положении лашманов после передачи их в уделы, определить политику удельных властей в их отношении, изучить причины протеста лашманов.

Историография изучения социальной группы лашманов достаточно скудна. В основном они рассматриваются в работах, посвященных судостроению в Российской империи, где в большинстве случаев изучение лашманства носит фрагментарный характер. В историографии есть немного работ, которые подробно рассматривают основные этапы развития лашманства. В исследовании И.З. Файзрахманова содержится много ценного статистического материала по истории лашманов. Автор подробно описывает тяжесть труда, сложности по доставке леса. Он приходит к выводу, что «правительственные меры, направленные на улучшение положения лашманов (повышение заработной платы, определение сроков лесозаготовок, освобождение от рекрутской повинности и т.д.), способствовали тому, чтобы поволжский лес по-прежнему исправно доставлялся до своего главного места назначения — в Санкт-Петербург на постройку кораблей Балтийского флота» [2. С. 373]. В статье И.А. Гафарова утверждается, что лашманство было одной из труднейших повинностей того времени. Автор на примере материалов судебного процесса в Буинском уездном суде показывает, что чиновники, пользуясь плохим знанием татарами русского языка, старались всячески обманывать их [3. С. 51]. В статье В.А. Кузнецова проведен краткий обзор возникновения, становления и функционирования образованного государством сословия лашманов, ядром которого были служилые татары. Автор отмечает уникальность сословия, существовавшего почти полтора века только на территории поволжских губерний [4]. В исследовании Н.М. Дружинина уделено достаточно внимания рассмотрению отношения государственных крестьян, которые были определены к передаче в уделы, в том числе и лашманов. На основании архивных источников Н.М. Дружинин

пришел к выводу, что многие государственные крестьяне не хотели обмена и выступали против него. Причинами их недовольства автор считал усиление эксплуатации после передачи их в удельное ведомство. Ему удалось детально рассмотреть и проанализировать отношение лашманов к обмену [1. С. 207, 220–224].

Источниковой базой данного исследования стали архивные документы официального происхождения. В статье использованы архивные источники Российского государственного исторического архива, фонда Департамента уделов (Ф. 515). Нами были использованы распоряжения по ведомству, отчеты официальных лиц, данные ревизий. В фонде Непременного (Государственного) Совета (Ф. 1147) нами были использованы протоколы чрезвычайных собраний Совета, особые мнения отдельных его членов о преобразовании Департамента уделов. Для написания статьи использовались также документы Государственного архива Псковской области, фонда Псковской удельной канторы (Ф. 40). Кантора была расформирована в результате обмена между государственным и удельным ведомствами. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Во второй четверти XIX в. удельное ведомство значительно расширило свои территории путем обмена государственных и удельных имений и территорий. Интересно, что проект схожего размена с казной был предложен еще министром уделов Н.Б. Юсуповым в докладной записке от 30 декабря 1801 г. [5. Л. 88–109]. Но политическая ситуация начала XIX в. отложила реализацию плана более чем на четверть века. Департаментом предлагалась безвозмездная передача территорий в состав уделов, но после переговоров с Министерством финансов договорились о «промене» государственных и удельных имений. Идея была озвучена вице-президентом Департамента уделов в 1829 г. А с 1830 г., с Высочайшего разрешения, началась активная переписка между министерствами. Основные территории, которые готовились к передаче, располагались в Симбирской губернии. Недостающую землю казна была обязана отвести в многоземельной Оренбургской губернии. В свою очередь, уделы передали казне крестьян в Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Курской, Полтавской, Черниговской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Псковской, Тульской, Калужской, Рязанской, Ярославской губерниях. Также для казенного управления передавались крестьяне и Санкт-Петербургского отделения. Однако Выборгское и Красносельское удельные имения, входившие в него, остались в ведении Департамента [6. Д. 43. Л. 11–12 об.]. Красное Село было решено оставить в связи с тем, что эти земли и деревни были приобретены для матери Николая Марии Федоровны и в изучаемый нами период активно использовались для военных маневров [6. Д. 41. Л. 93–94].

Казалось, это был более или менее равноценный обмен. Но на самом деле он решал преимущественно проблемы Департамента уделов, но не государственной казны. Такая политика позволила сосредоточить четвертую часть до этого разбросанных по стране

удельных имений, локализовав их в одном месте. Это удешевляло хозяйственное управление имениями. Более того, из архивных документов следует, что в основном к обмену из состава удельных предназначались малоокладные и малоэффективные, по мнению самого ведомства, деревни и крестьяне. За некоторыми территориями, которые передавались казне, к тому же числились большие недоимки, как, например, за Псковским удельным имением. На крестьянах, переданных в казенное ведомство, числилось 3 594 037 руб. асс. 72 коп. недоимок, которые резолюцией императора в 1837 г. были сложены [6. Д. 45. Л. 191–192 об.]. Хотя, согласно документам, с 1834 г. Псковскому удельному имению, для выправления тяжелой экономической ситуации, начали безвозмездно передавать казенные леса [7]. В итоге Департаменту уделов было проще отказаться от земли в Псковской губернии, и они сделали это спешно, не завершив даже процесса передачи лесов.

Исходя из вышесказанного, видно, что равноценного обмена не получилось. Сделка была выгодна исключительно уделам и проходила по их инициативе. Если ежегодный доход ведомства в 1835 г., накануне обмена, составлял 5 847 064 руб. асс., то в 1838 г. – 7 446 446 руб. асс. В целом доходность уделов в этот период увеличилась более чем на 20%, а общая капитализация всего удельного имущества к 1839 г. оценивалось самим ведомством в 50 008 038 руб. асс. [6. Д. 42. Л. 160–161; Д. 46. Л. 126; Д. 47. Л. 26–70.]. По мнению целого ряда исследователей, такой обмен был больше похож на «практически безвозмездную передачу государственных земель и крестьян» [8. С. 6.]. Имущества удельных контор, вышедших из состава уделов, согласно условиям 1836 г., в скором порядке распродавались, зачастую даже ниже стоимости покупки. В 1837 г. дома Пензенской, Псковской, Смоленской удельных контор, которые были собственностью ведомства, были проданы министерству финансов за 49 900 руб. при цене покупки 76 047 руб. [6. Д. 45. Л. 14–14 об.]. Прибыль от поступающих земель все равно была выше.

Министр финансов Е.Ф. Канкрин пытался возражать против дополнительного отвода земли в Оренбургской губернии, которая служила резервом переселения государственных крестьян, но министр императорского двора П.М. Волконский заручился поддержкой Николая I, и обмен состоялся. Общее количество губерний, где находились удельные имения, уменьшилось с 36 до 14. Такое компактное сосредоточение, в свою очередь, положительно сказалось на эффективности управления имениями [6. Д. 45. Л. 108–108 об.].

При передаче государственного имущества в уделы были переданы не только крестьяне, но и лашманы, однодворцы и пахотные солдаты. Формально они не должны были передаваться в удельное ведомство. Но для единообразного управления переданными территориями было решено определить эти категории населения в административное управление удельным конторам. «Те крестьяне, которые не подлежат к передаче в удел, для единообразия по всей губернии управления, оставить и их в заведовании удельного начальства, полученные доходы с них вносить в казну» [1. С. 221]. Они продолжали выполнять свою повинность по по-

ставке леса на нужды флота, но административное управление переходило к Департаменту уделов. Доходы и подати за них удельные власти вносили в казну сами.

Лашманами принято называть податную категорию лиц, обязанных в порядке государственной повинности заготавливать и вывозить на пристани корабельный лес и выполнять другие подобные работы для строительства российского флота. «Таким образом, многие работники, выполнявшие аналогичные работы наймом, в эту категорию не входили» [2. С. 373]. До передачи в уделы лашманы находились под контролем Департамента корабельных лесов, который, в свою очередь, с 1828 г. подчинялся Морскому министерству. По «Положению о лашманах», изданному 22 августа 1817 г., было образовано правление низового округа корабельных лесов. Низшей инстанцией местного управления являлась вновь учрежденная лашманская волость. Сельский староста и волостной старшина отвечали за поставку каждого работника «в срок и в исправности» [4. С. 155].

Первоначально в лашманы определяли иноверцев. Но те из них, кто принимал христианство, освобождались от повинности. «Потому что после выхода Сенатского указа, повелевшего освобождать от лашманской повинности иноверцев, принявших православную веру, нерусские лесорубы предпочли принять христианство, получив за это не только освобождение от лашманского тягла, но и другие льготы». Поэтому после 40–50-х гг. XVIII в. лашманы состояли практически из одних татар, которые в подавляющем большинстве остались верны исламу [3. С. 53]. На территории Симбирской губернии, которая и войдет в состав уделов, лашманы состояли в основном из татар, но встречались среди них и русские, и чуваша. К середине XIX в. лашманы «встречались только в Буинском, Курмышском и Симбирском уездах и по управлению составляли особенные лашманские приказы» [4. С. 158]. В целом лашманы представляли собой достаточно однородный этнический и конфессиональный состав. Они старались селиться вместе с единоверцами, создавая целые поселения. Особая внутренняя атмосфера внутри таких общин способствовала формированию определенного сепаратизма, особенно после выстраивания внутренней политики в рамках Теории официальной народности. Это, в частности, отразилось уровне протеста против перехода в уделы.

Обмен имуществом между уделами и государством был разбит на этапы. Начало ему было положено еще в 1830 г. Обмениваемые территории поступали в управление уделов со всеми землями, лесами, оброчными статьями и прочими угодьями. Для этого надо было составить описи передаваемого имущества и крестьянства, что заняло достаточно много времени. Леса были приняты в удельное ведомство на основании указа 15 марта 1832 г. [6. Д. 41. Л. 22–56]. Особо оговаривалось, что если в числе лесов окажутся корабельные, «то с ними поступать по силе указа 1808 г., те заклеивив деревья и учинив им надлежащие описи, отдать их под надзор удельного начальства» [6. Д. 38. Л. 19–23 об.]. Вместе с корабельными лесами передавались и лашманы.

В 1834 г. в уделы было принято 27 787 душ лашманов, лесов 1 137 312 десятин. В 1838 г. лашманов в Симбирской губернии в удельных имениях числилось 27 871 мужского и 29 150 женского пола, а в 1842 г. 37 581 и 40 011 соответственно. Всего удельных крестьян на 1842 г. числилось 1 454 964 душ обоего пола. То есть количество включенных в состав удельных крестьян лашманов составляло около 18% душ обоего пола к общему числу удельных крестьян [6. Д. 46. Л. 25–41; Д. 51. Л. 13]. Если обратиться к «Положению о лашманах», изданному в 1817 г., их численность сократилась и составляла в среднем приписанными к адмиралтейству 120 тыс. душ [4. С. 155]. Соответственно, в уделы было передано чуть больше 3% от общего числа лашманов.

Конечно, возникала идея о переводе лашманов в состояние удельных крестьян. Разговоры об этом лашманы восприняли с недовольством. Одни из них собрали значительную сумму в пользу своего поверенного и отправили его ходатайствовать в управление низовой округи о неисклучении их из числа лашманов. Лашманы Симбирской губернии обратились к императору лично с просьбой оставить их «по-прежнему в звании лашман». Согласно резолюции императора, было решено 11 361 душу, числящихся в Симбирской губернии, оставить «в своем положении» [6. Д. 45. Л. 150–151 об.]. Позже было принято общее решение: лашманов оставить в их состоянии. При этом удельные власти брали на себя обязательство вносить доходы с них в уездное казначейство [6. Д. 42. Л. 141–144]. Вице-президент Департамента уделов при объезде полученных имений в отчете отмечал, что «на одной сходке крестьяне хоть и не жаловались, но сожалели о прежнем своеволии». На предложение «хотят ли они перейти снова в казенное ведомство, но с тем, чтобы леса остались в ведении удельном, они отвечали, что желают быть там, где лесные угодья» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Во время ревизии трех приказов Симбирской губернии в официальных делопроизводственных документах был воспроизведен диалог между лашманами: «Нельзя ли оставить нас в лашманах и не передавать в удел? Удельные крестьяне ставят рекрут, а лашманы от этой повинности избавлены». – «Вы не можете оставаться лашманами, потому что указ об этом уже подписан Государем, а если хотите, то можно перечислить вас в казенные крестьяне». – «Да какая нам от этого будет польза?» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Удельное крестьянство воспринималось лашманами как частновладельческое, что в их представлении могло принести сплошные ограничения в их уже сложившемся укладе. Отношение населения передаваемых территорий к удельным властям нашло отражение в анекдоте, который также приведен в официальном отчете: «Проезжий чиновник из Саратова встретил человек пять крестьян на дороге и просил их помочь ему перебраться чрез овраг с своим экипажем. Мужики между собою переговаривали и потом спросили его: не удельный ли он? Но чиновник, по вопросу их догадавшись, должен был клятвою удостоверить их, что он не удельный, и тогда только получил просимую им помощь» [6. Д. 45. Л. 135–145].

При передаче посчитали хлебные запасы лашманов, пахотных солдат и ямщиков Симбирской губернии. Учет запасов вели отдельно и не включали в общий удельный запас хлеба [6. Д. 46. Л. 25–41]. Оказалось, что хлебные магазины были практически пусты. В уделах практиковался сбор хлеба в запасные магазины с общественной запашки, которая была введена с 1827 г. Особенностью процесса организации общественной запашки стало то, что была произведена замена денежных выплат крестьянами для приобретения и хранения запасов хлеба на отработочную систему, с точки зрения чиновников, наиболее стабильную и давно зарекомендовавшую себя форму надежного пополнения запасных магазинов. Лашманы в Симбирской губернии также организовали общественную запашку по правилам Департамента уделов. Под нее удельные власти разрешили отвести только третью часть положенной по положению земли, чтобы не вызывать недовольства. Но такого объема земли общественной запашки не хватало для наполнения запасных магазинов, особенно в неурожайный год. В 1839 г. было решено расширить удельную запашку до норм по удельному ведомству. В резолюции Николая Павловича написано: «...исполнить, но со внушением, для чего это делается» [6. Д. 47. Л. 145–146]. Интересно, что при строительстве запасных магазинов, которые должны были возводиться по образцовым чертежам, мусульманское население увидело, что нарисованные перекладины и стойки в поперечном разрезе чертежа амбара образуют форму креста. Пошли слухи, что их обманывают, и на самом деле они строят не запасные магазины, а христианские храмы, что вызвало очередное недовольство [1. С. 235]. Недовольство лашманов после передачи их в уделы касалось не только изменения их быта и появления новых обязанностей, но и приобретало конфессиональные черты, в некоторых случаях лашманы подстрекались духовными лидерами.

В первой трети XIX в. леса не являлись доходной частью удельного бюджета, а больше использовались для удовлетворения повседневных нужд крестьян. Лесной капитал впервые появился в удельном бюджете в конце 30-х гг. XIX в., после их передачи из казенного управления в распоряжение ведомства [9. С. 26]. И эта сфера крестьянского права практически сразу была подвергнута регламентации. Для контроля над несанкционированной вырубкой Положением 1808 г. вводилась должность лесовщика, который выбирался из крестьян. Рубка леса разрешалась только по специальным билетам, которые выдавал управляющий конторой. Ответственность за несанкционированную вырубку леса, в случае если виновник оставался неизвестным, накладывалась на ближайшее селение, что, по мнению чиновников, должно было повысить контроль со стороны местного населения [10]. Несмотря на это, незаконные вырубки продолжались, и это привело к ужесточению наказания. Так, 13 удельных крестьян было решено отправить в Сибирь за порубку на сумму, превышающую 100 руб. [6. Д. 21. Л. 62–63]. При передаче лесов в уделы поступили лица, которые исполняли обязанности лесных чиновников и объездчиков. В их обязанности входило смотреть за лесами

совместно с лесным отделением казенной палаты. Только в Симбирской губернии им надо было платить жалование в размере 26 600 руб. Удельные чиновники предложили перенести на поступившие в уделы леса уже сложившуюся практику. Предлагалось прежние должности упразднить, чиновников уволить с выплатой годового оклада. Надзором же должны были заниматься лесные сторожа, которые избирались из крестьян сельскими приказами [6. Д. 43. Л. 6–7].

Казенные палаты с неохотой передавали уделам леса. На 1835 г. «значительная часть их в удел не поступила по разным затруднениям, возникшим при переписке с местными казенными палатами». Уделы не могли оценить их доходность, так как местные чиновники не предоставляли сведения. Казенные палаты отписывались удельным конторам, что «доходов сего рода получаемо не было», хотя никоим образом нельзя согласиться, чтобы столь значительное количество лесов не приносило казне дохода [6. Д. 43. Л. 11–12 об.]. Нежелание передавать леса, по мнению вице-президента Департамента уделов Л.А. Перовского, было вызвано тем, что «в прежнее управление кто хотел пользоваться лесами, тот и пользовался, главное было найти подход к лесничему. Когда незаконные рубки были прекращены, вся губерния вопияла, как будто ее лишили законного права на собственность. Даже губернское начальство просило разрешения о беспрепятственном пользовании лесом» [6. Д. 45. Л. 112–131]. При приеме лесных угодий выяснилось, что строевой лес был переведен в дровяной, а он, в свою очередь, – в кустарник, что позволяло по небольшой цене выкупать хороший лес заинтересованным лицам. Так, в одном селении, где крестьяне не принесли ни одной жалобы на притеснения, один из них сказал: «Хотя теперь нам и не худо, но прежде было еще лучше». – «Почему?». – «Вот почему: придет, бывало, время платить подати, поедешь в лес, да нарубишь воз дров, или взвалишь бревно, оттуда в город на базар – вот и деньги. Только разве кто не в меру много станет рубить казенного леса, тот попадется, да и тут из беды можно выйти: стоит поклониться лесничему, или Заседателю, который придет для следствия. – Теперь дело другое: сам приказ должен сохранять лес, не смей никто рубить, да и только, работай поле, да продавай хлеб, а хлеб ни по чем. Нельзя ли, батюшка, позволить нам рубить лес по-прежнему?» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Запрет свободного пользования лесами крестьяне воспринимали как ограничение их свободы и лишение их возможности подработать. А таких селений, где крестьяне жили за счет казенных лесов, в Симбирской губернии было весьма много.

На случай пожара в удельном ведомстве были предусмотрены пособия крестьянам. Им выдавалось по 50 руб. на каждое семейство или с возвратом в удельный бюджет, или без возврата. Соответствующее решение принималось удельными властями в каждом случае индивидуально. В отношении лашманов пришлось принимать отдельный локальный нормативный акт. В нем оговаривалось, что пособие погорельцам из состава лашманов может быть выдано из штрафного капитала только с возвратом всей суммы «на

счет общественных капиталов тех поселян» [6. Д. 46. Л. 84–86].

В целом лашманы характеризовались удельными властями как «класс народа, довольно буйный» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Удельные власти ожидали волнений при оглашении указа о передаче Симбирских земель и лесов в уделы. В помощь удельным властям был командирован военным министром полковник Протасов. Управляющим конторами было дано распоряжение в случае необходимости просить помощи у военного губернатора в присылке военных команд. Николай I в своей резолюции дописал, чтобы Протасов в каждом случае неповиновения лично присутствовал вместе с военной командой [6. Д. 44. Л. 18–18 об.]. Перед объявлением крестьянам и лашманам о переходе в уделы местные чиновники в качестве превентивной меры ездили по селениям и разъясняли. Те из них, кто добился успеха, и передача в уделы прошла спокойно, позже были награждены подарками на сумму 1 200 руб. [6. Д. 43. Л. 7]. Но в целом бывшие государственные крестьяне были возмущены переводом их в уделы. Так, лашманам показалось, что удельное начальство хочет подчинить себе их не только в хозяйственном плане, но и в бытовом. «Их принуждали вводить общественную запашку, пытались ликвидировать среди них многоженство, старались уравнивать их положение с жизнью удельных крестьян» [1. С. 221]. Многие считали, что они могут потерять с переходом в уделы свое право собственности на купчие земли. Это выливалось в массовые волнения среди лашманов. Так, в 1836 г. в с. Бездна Буинского уезда Симбирской губернии несколько десятков тысяч бунтующих оказали сопротивление удельным властям. Все это подогревалось слухами о том, что мусульман насильно будут обращать в христианство [1. С. 222].

Основой формой протеста стал отказ выделять и запашивать общественную запашку. Так, на слова гражданского губернатора, что запашка – воля закона и императора, а не удельных властей, «...ответом был общий крик, из которого можно было отличить только слова “Хоть всех нас убейте, пахать не станем и земли не дадим”». По мнению чиновников, зачинщиками волнений в ряде селений были поверенные от крестьянского общества, которые подавали жалобы, в том числе и императору. В Симбирской губернии таких поверенных называли «коштан» (т.е. живущий на кошт мирского общества). По мнению удельных властей, «эти вредные люди в прежнее время беспрестанно таскались по судам, вовлекали крестьян в несправедливые тяжбы, всегда готовы были писать не дельные просьбы, а между тем собирали с них на расходы в судебных местах иногда весьма значительные суммы». Крестьяне уважали поверенных, они часто выступали неформальными лидерами в общине или просто были более компетентными. В с. Горемыкине было шесть коштанов, трое из них были признаны главными возмутителями и отданы в солдаты, остальные определены в смиренный дом. Им вменялось в вину, что после уже наказания виновных они собрали деньги с общины и отправились в город, чтобы ходатайствовать за преступников [6. Д. 45. Л. 112–131].

В 1836 г. в с. Бездна Буинского уезда началось многотысячное восстание. Когда в деревню приехало удельное начальство, крестьяне заперли их в избе и поставили караул. Привести в покой лашманов попытался подполковник жандармерии Стогов, но сделал он это весьма специфично. Он «объявил себя единственным начальником и покровителем симбирских лашманов, предложил им избрать депутатов, торжественно принимал их у себя в городе в ярком цветном халате, разбирали судебные споры» [1. С. 222]. Сам Стогов в Департамент уделов отписывался, что крестьяне весьма огорчены поступками с ними удельных чиновников, «но, страшась мщения, опасаются высказывать свои чувства; что крестьяне говорили единогласно, что лучше бы желали быть господскими, чем удельными, потому что господские имеют суд и у них есть кому жаловаться; а они, когда обижены Головою или чиновниками, то, придя в удельную контору, жалобы от них не принимают и приказывают подать в Приказ; в Приказе также не принимают их жалоб, — остается терпеть и не возбуждать мщения Головы, на которого жаловаться решительно некому, что дерзкие и лихоимственные поступки Головы остаются ненаказанными от того, что они платят дань удельному начальству, собирая сами с крестьян; что крестьяне жалуются на непомерные тягости от податей и разных денежных сборов и что они уже продали по лошади и по две, а прежде считали себя богачей; что с переименованием их в удельные они приходят в отчаяние, думая о будущем». Стогов добавил, что после раздольной жизни крестьян в казенном ведомстве новое состояние кажется им более тяжелым. И что «даже самое наименование удельных для крестьян антипатически ненавистно». По его мнению, чтобы навести порядок, «необходимо хотя бы два года поставить в Симбирскую губернию дивизию войск». Ведь неповиновения крестьян при переходе в удельные перекидываются из селения в селение, и наказание крестьян в других имениях не оказывает никакого эффекта, «что доказывает ожесточение крестьян против удельного управления» [6. Д. 45. Л. 135–145].

Удельные власти увидели в действиях Стогова умысел и нежелание успокоить бунтовщиков. Поэтому управляющий удельной конторой А.В. Бестужев отправился в Петербург с докладом вице-президенту Департамента уделов Л.А. Перовскому. Для более решительных мер из Петербурга был отправлен в Симбирск генерал-адъютант князь А.Я. Лобанов-Ростовцев, доверенное лицо императора Николая I. В удельные селения были введены военные команды. Были даны конкретные инструкции в отношении зачинщиков, виновных в беспорядках: наказывать отдачей в рекруты, а в случае неспособности на службу передать на поселение, остальных виновных наказывать плетью [6. Д. 43. Л. 93]. В результате расследования были выявлены 17 человек, признанных главными зачинщиками. Первоначально наказание определяло 13 человек отправить в рекруты, четверых, неспособных по возрасту, — на поселение в Сибирь, 55 человек наказали розгами, 8 человек, имеющих преклонные года, отправили для исправления в смиренный дом. Кроме того, удель-

ная контора должна была собрать и уничтожить приказы о запрещении многоженства, которые распространялись бунтовщиками. Император уточнил приговор своей резолюцией: рекрут отправить в полицию Финляндии, неспособных по летам оставить на поселении в Сибири, 55 человек, определенных к наказанию розгами, «не наказывать, а объявить, что милостью Его Величества извлекается от наказания освободить, но с тем, что они никогда больше не будут выступать против начальства». Восемь человек отправить в смиренный дом на 1 месяц [6. Д. 43. Л. 93–93 об.]. Смягчение наказания должно было еще раз показать покровительство императора крестьянам. Но это имело и обратный эффект: такие решения позволяли крестьянам в очередной раз удостовериться в недоброжелательном отношении к ним удельных чиновников.

Похожие выступления прошли и в других селениях, где скученно проживали лашманы. Губернатор снова стал их убеждать, но крестьяне, «стоя на коленях, повторяли тоже, что лучше умрут, чем согласятся». Так как бунтовщики все равно упорствовали, была вызвана команда из 150 человек гарнизонного батальона и 25 жандармов. «16 числа в 7 часов утра я велел поставить команду в две шеренги по одну сторону улицы, по другую поставить взятых из околных помещичьих селений понятых, а к приготовленному арестантскому двору сверх караула из гарнизонного батальона нарядить пришедших с понятыми рядовых, находящихся в бессрочном отпуске, и отставных солдат. По приведении всего в порядок потребовался мирской сход, на который прибыли 531 человек крестьян всех селений приказа, которые были поставлены между понятыми и командой, остальные же крестьяне остались в некотором отдалении, но большая часть их укрывалась за задом селения, без шума ожидая окончания» [6. Д. 45. Л. 77–82]. В дальнейшем опрашивали каждого поодиночке: кто из них покорен воле начальства, а кто нет. Первые, которых оказалось 47 человек, были отсылаемы в стороны, а неповинующихся поодиночке отводили под караул, где им завязывали назад руки, таковых оказалось 484 человека. «Огородив себя таким образом от могущих произойти с их стороны буйственных поступков и составив им именной список, я приказал вывести на площадь более замеченных в упорстве 8 человек, которым объявил наказание, коему они себя подвергают, но упорство их было так сильно, что каждый, перекрестя, кланялся предстоящим, как бы готовясь к смерти», повторяя «что повиноваться не будут». «Наказав их таким образом, заковал в кандалы. Пример этот сильно на всех подействовал, так, что арестованные один по одному начали просить милости, объявляя, что немедленно отдадут землю и будут пахать, в течение часа, кроме 11 человек упорствующих все приведены в повиновение». Оказавших большее сопротивление было решено отправить в рекруты с зачетом, а неспособных — в арестантские работы [6. Д. 45. Л. 77–82].

При таком большом количестве недовольных были и ошибки в определении виновных. Так, один из них Маняв Ахтямов был признан виновными в том, что приезжал тайно в Симбирск и подговаривал Ильяса

Надырова бежать из-под стражи. «Ныне же по ближайшему изысканию открылось, что Ахтямов оставался всегда покорным удельному начальству и уговаривал Надырова не бежать, а быть послушным, и за это и был оклеветан». Оставить его на месте жительства, «не вменяя ему в бесчестие назначенного прежде наказания» [6. Д. 43. Л. 103–103 об.].

Вице-президент Департамента уделов свидетельствовал, что в селениях его принимали хорошо. Но в каждом из них были и те, кто готов был перейти в подчинение уделов, и те, кто сопротивлялся. Так в Нагаевском приказе «татары не приносили никакой жалобы и были весьма довольны; другие, напротив, жаловались на обременительность денежных сборов, делаемых с них Головою и Писарем, и в письменной просьбе ко мне объяснили, что в продолжение года Писарь получил от них около 100 рублей» [6. Д. 45. Л. 112–131].

В целом же с помощью военных команд лашманы были приведены в подчинение, хотя на местах случались локальные случаи неповиновения, особенно в пользовании лесами. Департамент уделов рапортовал, что до передачи в уделы в селениях все обросло злоупотреблениями. С переходом в уделы в деревнях установился «должный порядок». Так, «богатый откупщик Бенардаки... содержит на откупе всю губернию и вместе с тем ведет значительный торг хлебом, мало кто в губернии не имеет с ним надобности. При прежнем управлении Земская полиция покорялась влиянию его богатства, смотрела сквозь пальцы на все беспорядки при винной продаже и оставляла без всякого взыскания отступления от откупных условий: в то время можно было беспрепятственно построить в казенном селении лишний каба́к или учредить выставку там, где ей не следовало быть, даже в лашманских селениях,

где живут одни магометане, заведены питейные дома и тамошние муллы недовольны этим распоряжением. Притом кабаки не только не запирались в определенное время, но всю ночь наполнены были народом. Теперь он терпит убытки. В прошлом году получил меньше на 84 000» [6. Д. 45. Л. 112–131].

Итак, в результате переговоров и по инициативе министра императорского двора П.М. Волконского в состав удельного владения вошли обширные территории Симбирской губернии, причем в оклад поступили высокодоходные деревни и земли. Департамент уделов также получил в управление обширные лесные массивы. С лесами под управление уделов были переданы и лашманы, которые со времен Петра Первого занимались заготовкой леса для флота. Для управления лесами Департамент уделов организовал специальные службы, состоящие из удельных крестьян. Содержать лесных чиновников было уделам невыгодно, поэтому они были уволены с выплатой жалования. В Департаменте была идея о возвращении лашманам прежнего крестьянского состояния. Но многочисленные просьбы со стороны лашманов, массовые случаи неповиновения, которые, по мнению Н.М. Дружинина, «все больше напоминали пугачевщину», нападения на удельных чиновников сохранили за ними их прежнее состояние. Со вступлением в уделы у лашманов появились дополнительные обязанности. Для наполнения хлебных магазинов Департамент уделов распространил на них общественную запашку. Лашманы восприняли это как прямой отъем их земли, причем чиновники неоднократно напоминали, что земля принадлежит императору. Все это перерастало в многотысячные случаи неповиновения, успокоить которые смогли только с помощью военных команд.

Список источников

1. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. Т. 1. 635 с.
2. Файзрахманов И.З. Лашманы в строительстве российского флота: основные вехи истории // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения : материалы Всерос. науч. конф. 2018. С. 353–375.
3. Гафаров И.А. «Корабельная повинность» лашманов Буинского уезда в XVIII – первой половине XIX века: некоторые штрихи. // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всероссийской научной конференции. 2018. С. 51–62.
4. Кузнецов В.А. Лашманы как уникальное сословие в истории Среднего Поволжья истории // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 146–161.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236.
6. РГИА. Ф. 515. Оп. 1.
7. Государственный архив Псковской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 61.
8. Седов А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797–1863 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1954. 16 с.
9. Никулина Н.Ю. Удельное хозяйство в пореформенной России // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград : Изд-во КГУ, 1995. С. 21–28.
10. Положение департамента уделов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб. : Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXX: 1808–1809. № 23020. С. 226–258.

References

1. Druzhinin, N.M. (1946) *Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State Peasants and P.D. Kiselev's Reforms]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences.
2. Fayzrakhmanov, I.Z. (2018) Lashmany v stroitel'stve rossiyskogo flota: osnovnye vekhi istorii [Lashmans in the Construction of the Russian Navy: Key Milestones of History]. In: Fayzrakhmanov, I.Z. (ed.) *Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzhya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya* [Kazan Admiralty (1718–1830): Peoples of the Volga Region and Traditions of Russian Shipbuilding]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 353–375.
3. Gafarov, I.A. (2018) "Korabelnaya povinnost" lashmanov Buinskogo uезда v XVIII – pervoy polovine XIX veka: nekotorye shtrikhi [The "Ship Duty" of Lashmans in Buinsky District in the 18th – First Half of the 19th Century: Some Highlights]. In: Fayzrakhmanov, I.Z. (ed.) *Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzhya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya* [Kazan Admiralty (1718–1830): Peoples of the Volga Region and Traditions of Russian Shipbuilding]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 51–62.

4. Kuznetsov, V.A. (2018) Lashmany kak unikalnoe soslovie v istorii Srednego Povolzhya [Lashmans as a Unique Estate in the History of the Middle Volga Region]. In: Fayzrakhmanov, I.Z. (ed.) *Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzhya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya* [Kazan Admiralty (1718–1830): Peoples of the Volga Region and Traditions of Russian Shipbuilding]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 146–161.
5. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1147. List 1. File 236.
6. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 515. List 1.
7. The State Archive of Pskov Region. Fund 40. List 1. File 61.
8. Sedov, A.V. (1954) *Udel'nye krest'yane Nizhegorodskoy gubernii (1797–1863 gg.)* [Appanage Peasants of Nizhny Novgorod Province (1797–1863)]. Abstract of History Cand. Diss.
9. Nikulina, N.Yu. (1995) Udel'noe khozyaystvo v poreformennoy Rossii [Appanage Economy in Post-Reform Russia]. In: *Severo-zapad v agrarnoy istorii Rossii* [North-West in the Agrarian History of Russia]. Kaliningrad: KSU. pp. 21–28
10. Russian Empire. (1830) Polozhenie departamenta udelov [Regulation of the Department of Appanages]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. First Coll. Vol. XXX. No. 23020. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 226–258.

Сведения об авторе:

Красникова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: julia2404@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Krasnikova Yulia N. – Doctor of Historical Sciences, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: julia2404@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 09.03.2022; accepted for publication 15.05.2025